

МЕЛКОПОМЕСТНОЕ ДВОРЯНСТВО В СТРУКТУРАХ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ И УПРАВЛЕНИЯ*

И.В. ИСТОМИНА¹
В.Н. ФУРСОВ²
А.В. ПЕРЕПЕЛИЦЫН²

¹⁾ *Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: irabelru@yandex.ru

²⁾ *Воронежский государственный
педагогический университет*

e-mail: avp64@mail.ru

В статье рассматривается участие мелкопоместных дворян в выборном процессе в земские структуры. Изменение отношения в пореформенный период к мелкопоместным дворянам, занимавшим чиновничьи должности со стороны верхних страт дворянства.

Ключевые слова: мелкопоместное дворянство, выборы, местное самоуправление.

Олицетворением новой управленческой структуры на уездном и губернском уровнях в пореформенный период стало земство. С первых дней существования данного института местного самоуправления лидирующие позиции заняло в нем помещичье дворянство¹. Мелкие помещики, на основании статьи № 23 «Положения о губернских и уездных земских учреждениях» 1864 г., где было прописано: «В избирательном съезде уездных землевладельцев имеют право голоса: ...

г) уполномоченные от нескольких землевладельцев, а так же от разных учреждений, обществ, компаний и товариществ, владеющих пространством земли, не достигающим положенного в первом пункте сей статьи размера, по составляющим не менее двадцатой доли оною (ст. 24 и 25)². Участие в земских выборах через институт уполномоченных ставило между мелкопоместным дворянством и помещиками верхних страт социопсихологическую границу, подчеркивая определенную социальную разделенность высшего сословия, с акцентацией на некоторую «ущербность» мелких дворян. Б. Веселовский, крупный специалист конца XIX – начала XX в. по истории земских учреждений, в этой связи, отмечал: «Не более, чем крупные землевладельцы участвовали в земских собраниях представители мелкого землевладения, но уже по иным причинам. Прежде всего сам закон лишал представительства известную группу мелких землевладельцев. По Положению 1864 года избирательными правами совершенно не пользовались владельцы менее 1/20 полного ценза, т.е. менее 12,5-20 десятин (смотря по уезду). Положение 1890 года повысило этот предел до 1/10, лишив этим избирательных прав тех лиц, которые этими правами пользовались при старом Положении. Во-первых, владельцы неполного ценза могут выбирать лишь уполномоченных для участия в выборах гласных. Таким образом, для них установлены двухстепенные выборы, тогда как для крупных собственников одноступенные»³.

Из приведенного сюжета видно, что одной из причин низкой активности мелких землевладельцев при выборе земских гласных были «двухстепенные» выборы.

* Работа выполнена при поддержке ФЦП " Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009-2013 годы", Государственный контракт № 16.740.11.0545 от 23.05.2011 г.

¹ Шаповалов В.А., Шаповалова С.П. Уездный предводитель дворянства в структуре местного управления пореформенной России //Российская империя в исторической ретроспективе. Сборник научных трудов V международной конференции г. Белгород, 28-29 января 2010 г. Белгород-Чернигов, 2010. С. 160-161.

² Реформы Александра II / сост. О.И. Чистяков, Т.Е. Новицкая. М., 1998. С. 216.

³ Веселовский Б.К. вопросу о классовых интересах в земстве. Вып. I. СПб., 1965. С. 48.

Учитывая же, определенную сословную спесь мелких дворян, в общей массе мелких землевладельцев, можно утверждать об этом, как о реальном факте.

На избирательные съезды, при выборах земских гласных в первое трехлетие (1865-1867 гг.), в Воронежской губернии прибыло всего 308 представителя дворянского сословия или 19% от имевших избирательное право. В сравнении с аналогичным показателем по другим сословиям, этот показатель был довольно высоким. Здесь 2234 имевших право избирательного голоса, с учетом уполномоченных, прибыло на съезды только 84 представителя недворянского происхождения. Если от крупнопоместного и среднепоместного Воронежского дворянства на съезды прибыло 35,2% представителей, имевших право голоса, то мелкопоместное дворянство фактически проигнорировало выборы в земские гласные. На съезды их прибыло всего 7,6%⁴. По Курской губернии соответствующие данные, в полном объеме, имеются только с 1874 г. От мелкопоместных дворян в лице уполномоченных на избирательные съезды прибыло 133 из 748 или 17,7%⁵. Хотя процент явки мелкопоместных дворян в Курской губернии выше почти на 10% чем в Воронежской губернии, общая тенденция нежелания мелких помещиков принимать участие в земских выборах очевидна.

В отдельных уездах они практически полностью проигнорировали работу съездов. В Львовском уезде из 42 потенциальных уполномоченных от мелких дворян в работе съезда приняли участие всего 2 дворянина⁶.

Чрезвычайно низкая избирательная активность мелкопоместного дворянства являлась отражением отсутствия сословной (коллективной) идентичности у данной страты поместных владельцев в контексте всего благородного сословия. В данном аспекте необходимо исходить из того, что сословная (коллективная) идентичность конструируется в социальной сфере: с одной стороны, общность создается на базе доверия и солидарности, с другой стороны, проводятся различия и границы между коллективом (сословием, социальной стратой) и внешним по отношению к нему миром⁷. Мелкопоместные дворяне по своему складу сознания, социально-психологическим воззрениям, культурному и образовательному уровням, материальному достатку, как было показано выше, резко дистанцировались от верхних страт помещиков и вряд ли осознавали общность своих интересов с социальными претензиями крупных дворян. Крупные помещики стремились возглавить земское движение и, тем самым, вернуть себе часть утраченных позиций в уездной жизни после реформы 19 февраля 1861 г. Для поместных владельцев нескольких десятин, пусть даже десятков, это не являлось первостепенной задачей социального плана. На первом месте стояла задача хозяйственного выживания.

К тому же, нельзя не согласиться с утверждением немецкого исследователя Лутцем Хефнером, что в России второй половины XIX века воплощением идеи ответственности являлись состоятельные и образованные персоны, прежде всего дворяне и разночинцы⁸.

Мелкопоместные дворяне не вписывались в эти общественные представления и они не могли этого не осознавать. Отсюда, в их глазах не было признаков соперничества с крупным дворянством. Серьезное значение приобретало для мелких помещиков и следующее обстоятельство: «Положение представляет управе право назначать один или несколько пунктов для съезда мелких землевладельцев. Понятно, что

⁴ Щербина Ф. Воронежское земство. 1865-1889. Воронеж, 1891. С.53; Шаповалов В.А. Дворянство Центрально-Черноземного региона России в пореформенный период. М.; Белгород, 2002. С. 202-203.

⁵ Государственный архив Курской области (далее ГАКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2353. ЛЛ. 133-159.

⁶ Шаповалов В.А. Указ. соч. С. 203.

⁷ Пиетров-Эннкер Б., Ульянова Г.Н. Модернизация, гражданское общество и гражданская идентичность: о концепции книги // Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX-начало XX века. М., 2007. С. 22.

⁸ Хефнер Л.В. В поисках гражданского общества в самодержавной России. 1861-1914 гг. Результаты международного исследования и методологические подходы // Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. С. 55.

приезжать на выборы издалека не всем позволяют средства, а поэтому мелкие собственники заинтересованы в назначении нескольких избирательных пунктов»⁹. В реальности их было, как правило, несколько.

Прибывшие на избирательные съезды дворяне отличались высокой активностью, в сравнение с другими сословиями, при выдвижении своих кандидатур на должность земского гласного. На выборах в 1865 г., из 308 прибывших на съезды воронежских дворян, выдвинули свои кандидатуры 252 помещика (81,8%), курские дворяне – из 316 выдвинули 249 дворян (78,7%). Представителями недворянских сословий было выдвинуто 77% от прибывших потенциальных кандидатов. Мелкопоместные дворяне показали здесь более низкую общественную активность. Воронежские мелкие дворяне, из 64 прибывших на съезды, выдвинули на должность гласного 46 кандидатов (71,1%)¹⁰. Вероятнее всего, что это были представители верхних подгрупп мелких помещиков (51-100 дес.), где образовательный и культурный уровни, социальные претензии были выше, чем у владельцев 2-5 дес. земли.

Из 308 воронежских дворян, выдвинувших свои кандидатуры, 221 (71,7%) помещик стал земским гласным. У мелкопоместных дворян этот показатель был ниже, чем в целом по своему сословию. Из 64 кандидатов, гласными от мелких помещиков стали 36 (56,2%) представителей¹¹.

К концу 80-х гг. XIX. Относительные показатели активности при занятии должности земского гласного останутся приблизительно на том же уровне, с небольшим уменьшением в пользу представителей других сословий. Так, в Воронежской губернии с 1865 по 1889 гг. количество дворян прибывших на избирательные съезды, уменьшится от общепринятого числа имевших право голоса, с 19% до 17¹².

Анализ дворянской активности при стремлении занять должность земского гласного проведен без учета городской курии, так как по ней нет данных по отдельным стратам дворянства и в ней было незначительное количество выборщиков, что не меняло общей картины данных выборов.

На низкую избирательную активность мелкопоместного дворянства, как менее просвещенной страты в благородном сословии, влияло отсутствие четкого представления о самой сути земской реформы. Хотя земские структуры 60-х гг. XIX века и оказывались параллельными бюрократической системе учреждениями и не заменили собой уездно-губернскую администрацию, испытывая ее контроль, как и вмешательство самодержавного государства, тем не менее, учрежденные земские учреждения, впервые в вопросах местного самоуправления, объединили представителей всех сословий. Данная новизна требовала и нового сознания, новых подходов, отыскивая свое место в условиях пореформенной межсословной эмансипации. К этому были не готовы представители верхних страт дворянства, не говоря о мелких помещиках, полностью зависящих от функционирования системы помещичьего традиционализма. С другой стороны, не было в широком обиходе и самого термина «самоуправление». Усвоение русской политической лексикой нового понятия «самоуправление» началось не раньше 50-х-60-х гг. XIX в. с буквального перевода-кальки с английского «self-government». В 1869 г. В труде А.И. Васильчикова «О самоуправлении» встречается прямое свидетельство современника на этот счет: «Слово «самоуправление» переведено буквально с английского self-government...»¹³.

В книге американского историка Фредерика Старра отмечалось, что до 1856 г. В России не было понятия, обозначающего общественное участие в местных делах, даже «Толковый словарь» В.И. Даля предлагал «самоуправство» как единственно

⁹ Веселовский Б. Указ. соч. С. 50.

¹⁰ Щербина Ф. Указ. соч. Прил. С. 4-7; ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2353. ЛЛ. 133-159.

¹¹ Там же.

¹² Шаповалов В.А. Указ. соч. С. 203-204.

¹³ Свиридова Т.А. Гражданская идентичность и местное (земское) самоуправление в XIX в. в России и Западной Европе // Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX- начало XX века. С. 131.

близкую корневую форму... Действительно, в «Толковом словаре живого великорусского языка Даля» (вышел в 1863-1866 гг.) самоуправление объяснялось лишь как «управа самим собою, знание и строгое исполнение долга своего». Правда, здесь же добавлялось – «в Америке развито общественное самоуправление, участие и помощь каждому в охранении порядка, без пособия от правительства...»¹⁴ Итак, термин «самоуправление» в России был заимствован и содержание его менялось. Все эти лексические тонкости, включая и сущностное понимание термина «самоуправление», были сложены для просвещенных страт крупного дворянства, мелкопоместных они, вряд ли, вообще интересовали.

Предельно низкую общественную активность мелкопоместных дворян, в вопросах местного самоуправления, подтверждают материалы исследования Н.М. Пирумовой «Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века», где в приложении приведены списки земских гласных по 33 земским губерниям, участвовавших в земском либеральном движении конца XIX – нач. XX века. Из 228 гласных, приведенных в списке, только 23 (10%) были не дворянами. Из 205 губернских и уездных гласных из дворян, всего 3, по структуре землевладения, принадлежало к мелкопоместной страте¹⁵. И.В. Двухжилова, рассматривая портреты видных деятелей тамбовского земства, не смогла привести ни одного портрета мелкопоместного дворянина – земца¹⁶.

Представители консервативной части крупного дворянства, разбирая негативное влияние земской реформы на социальный статус помещного дворянства, вообще не вспоминают мелкопоместное дворянство. Хотя именно эта страта дворян более других игнорировала выборы в земские структуры и об этом было хорошо известно как на практике, так и из материалов земской статистики. Так, «духовный ученик» М.Н. Каткова А. Пазухин в статье «Современное состояние России и сословный вопрос» доказывал: «Крупные землевладельцы со времен реформ перестали посещать свои имения и разорвали все связи с провинцией. Новый бессословный склад уездной жизни не мог удовлетворять этих лиц, привыкших к почету. Этот разряд нашего высшего сословия, более богатый и знатный класс русского дворянства в настоящее время, не имеет почти ничего общего с дворянством провинциальным и может считаться потерянным для России... Образованные и более даровитые представители среднепоместного дворянства решавшиеся посвятить себя службе в провинции не могли свыкнуться с тягостной и деморализующей обстановкой в которой заключена земская деятельность, и после нескольких большею частью безуспешных попыток применит свои знания и способности на пользу рода, бросали свои имения и уходили на государственную службу»¹⁷.

Пазухин, доказывая губительное влияние земской реформы на крупное и среднепоместное дворянство, все поставил с ног на голову. Исходя из его утверждений, получается, что единственной стратой, активно принявшей участие в работе земств, оставалась мелкопоместная. Но в реальности, как было показано выше, все было наоборот. Именно крупные и средние помещики стали у руля земских учреждений. Понятно, что целью данной статьи был не стратификационный анализ участия дворян в земстве, главное, было доказать, что верхним стратам помещиков необходимо вернуть власть на местах. К тому же, отношение крупных дворян к административным способностям мелкопоместного дворянства было весьма скептическим¹⁸.

Не претендуя на серьезные управленческие должности уездного и губернского уровня, образованные мелкопоместные дворяне приняли заметное участие в станов-

¹⁴ Там же. С. 131-132.

¹⁵ Пирумова Н.М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1977. С. 232-280. Подсчитано нами – И.И.

¹⁶ Двухжилова И.В. Социальный состав Тамбовского земства (1865-1890 гг.). Тамбов, 2003. С. 111-135.

¹⁷ Пазухин А. Современное состояние России и сословный вопрос // Русский вестник. Т. 175. М., 1885. С. 29-30.

¹⁸ Савелов Л.М. Из воспоминаний. 1892-1902. Воронеж, 1996. С. 31, 40.

лении земского образования и медицины. В 1895-1896 учебном году представителей дворянского сословия среди земских учителей насчитывалось 84 (13,1%) из 641 их общего числа. Причем учительниц-дворянок в среде учительского корпуса было в 5,5 раз больше, чем учителей-дворян. К 1905 г. Число представителей дворянства среди земских учителей возросло с 84 до 155 человек или на 46%. Увеличился с 13,1% до 17,5% общий процент числа дворян среди земских учителей¹⁹. То есть, в конце пореформенного периода тенденция роста числа дворян среди земских учителей отчетливо просматривалась. Условия труда и быта учителей, принадлежавшим к любым сословиям, были, за редким исключением, одинаковыми. Да и редко кто из обеспеченных дворянских семей шел на работу в земскую школу, где годовой оклад в 1897 году начинался с 240 руб.²⁰ На такое мизерное жалование могли согласиться только представители беднейших дворянских семей. Их выбор часто был вынужденным, сама жизнь, экономические обстоятельства были причиной относительно значительной доли дворянства среди учителей в земской школе.

Средний медицинский персонал (акушерки, фельдшера, оспопрививатели) был самой многочисленной категорией служащих в земских больницах. Именно на него приходилась основная часть принятых больных. Пестрым был и его сословный состав. В 1902 г. Из 273 работников среднего медицинского персонала курских земских больниц 20 (13,2%) принадлежало к дворянскому сословию²¹. Как и земские учителя из дворян, медики-дворяне принадлежали, в своей основе, мелкопоместной страте. Отличительной чертой среднего медицинского персонала больниц черноземных губерний, в отличие от среднероссийского показателя, была высокая доля дворян среди фельдшаров и акушерок. Если в курском земстве среди фельдшаров и акушерок преобладали (60%) выходцы из дворян и чиновников, то в среднем по России этот показатель по дворянам и чиновникам составлял 21%²².

Стремление к чиновничьей службе на любых должностях у пореформенного мелкопоместного дворянства было следствием хозяйственной деградации большей части их поместий, что отчетливо просматривалось по сокращению числа мелких поместных землевладельцев. Исследователи конца XIX в., изучая русскую деревню 80-х гг. XIX в., отмечали, что на землях курских мелких помещиков «есть участки не поменявшие владельцев», которые годами сдаются в аренду местным крестьянам, а их владельцы «состоят на службе в городе»²³. То есть, указывалось, указывалось на широкую практику передачи мелкопоместным дворянством своих усадеб в долгосрочную аренду, в силу их малопродуктивности, и ухода на чиновничью службу. По Воронежской и Курской губерниям в архивохранилищах сохранились единичные формулярные списки коронных чиновников уездного и губернского уровней. Вследствие чего нет возможности составить целостной картины о стратификации чиновничьего корпуса из поместных дворян, как, например, подобное исследование было проведено по Калужской и Московской губерниям²⁴.

Тенденции в эволюции чиновничьего корпуса из дворян Центрального Черноземья рассмотрим на примере Курской губернии. В Курской губернской администрации гражданского ведомства с конца дореформенного периода наметилась тенденция сокращения числа дворян-чиновников. Если в 1860 г. Их было 67,6% от общего числа, то в 1871 г. – 65%, в 1894 г. – 54,7%. При этом, снизилась на 1-2 ступени класс-

¹⁹ Белокопский И.П. Народное начальное образование в Курской губернии. Курск, 1897. С. 195; Текущая школьная статистика Курского губернского земства за 1901-1902 учебный год. Курск, 1902. С. 26.

²⁰ Мамаева Т.П. Курское губернское земство и народное образование в губернии во второй половине XIX-начале XX века. Старый Оскол, 2008. С. 117.

²¹ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6910. ЛЛ. 28-152.

²² Пирумова Н.М. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе. М., 1986. С. 130.

²³ Карышев Н.А. Итоги экономического исследования по земской статистике. Т. 2. С. 82.

²⁴ Иванов В.А. Губернское чиновничество 50-60-гг. XIX в. в России. Историко-источниковедческие очерки. Калуга, 1994.

ность чиновников²⁵. В уездной администрации гражданского ведомства, на примере Белгородского уезда Курской губернии, наоборот, число дворян-чиновников увеличилось, вместе с общим числом чиновников в уезде. В 1871 г. Количество дворян-чиновников здесь составляло 46,8% от их общего числа, в 1894 г. – 66,3% и на 1 ступень увеличилась их классность²⁶. Основная масса чиновников из мелких дворян, как подтверждают мемуары и публицистика, служили в уездных коронных структурах, где уровень профессионализма, ответственности и классности чинов был ниже, чем на губернском уровне. В.А. Иванов показал, что на рубеже 50-60-х гг. XIX в. в калужских коронных учреждениях беспоместные дворяне и мелкопоместные владельцы (до 21 ревизской души) составляли 61,4% от чиновников, занимавших классные должности (43,2% – беспоместные дворяне, 18,2% – мелкопоместные) и 72,2% канцелярские служители (58,3%-беспоместные дворяне, 13,9% – мелкопоместные)²⁷. По всей видимости, приблизительно в той же пропорции было число беспоместных дворян и мелких помещиков в коронных учреждениях центрально-черноземных губерний так, как уездные штатные расписания были относительно унифицированы, а число мелкопоместных дворян в Курской губернии было одним из самых больших по России.

Роль чиновников в уездной жизни после отмены крепостного права заметно увеличилась, а вместе с этим поднялась и социальная статусность чиновников из мелкопоместной среды. С.Н. Терпигорев показывает это через призму восприятия дворянина верхних страт: «Прежде, т.е. до начала нашего оскуднения, город и деревня были совсем в других отношениях, чем теперь... Начальство, т.е. исправников и подъячих для земского и уездного судов, мы выбирали сами, и так как, по правде говоря, хороший человек на эти должности не шел, но набирали мы себе это начальство из всякой что ни есть горечи: из самых захудалых дворянчиков, даже не помещиков, а так просто дворянчиков; из детей умерших или под суд попавших подъячих, служивших прежде в нашем уезде, из детей городских попов, почему-нибудь принявших ангельского чина, и пр. Понятно, что вся эта голь была голодна, прожорлива и ужасно плодуща. Уже по одному этому она была у нас в полной зависимости и покорности. Кто даст ей муки, крупы, масла, гусей...

Ясно, что со всей этой братией нечего было церемониться, и мы действительно не церемонились. Надо почему-нибудь ехать в суд, т.-е. в город, а не хочется, леньну, и пошлешь бывало, за заседателем или за каким-нибудь непременно членом...

Таковы были взаимные отношения города и деревни вплоть до 19 февраля. Тут все сразу изменилось.

... Явились мировые посредники, начальником стал свой же брат-сосед. Исправников стали назначать губернаторы, а не выбирать. Прошло еще сколько-то времени, и словно из земли выросли судебные следователи, а там уже и пошло...

И такое обилие начальства явилось после совершенного, можно сказать, отсутствия!..

...А «город» тем временем все более и более тяжко наседавал на «деревню», т.-е. на нас. Все эти поездки и мыторства требовали денег, а они разве были у кого в запасе? И потом, как ни плохо и глупо велось хозяйство, все-таки, когда хозяин жил в деревне, хоть воровато по крайней мере, не было, а теперь, когда чуть не круглый год пришлось жить в тарантасе или городе, в гостинице, понятно, все стало разваливаться и «прахом идти»²⁸.

Терпигорев довольно точно провел грань между дореформенным и пореформенным отношением помещного дворянства к чиновникам, где существенный про-

²⁵ Памятная книжка Курской губернии а 1860 г. Курск, 1860. С. 315-365; Список чинам гражданского, Военного и духовного ведомств в Курской губернии. Курск, 1871. С. 1-33; Памятная книжка Курской губернии на 1894 г. Курск, 1894. С. 3-102.

²⁶ Список чинам гражданского, военного и духовного ведомств в Курской губернии. С. 102; Памятная книжка Курской губернии на 1894 год. С. 106-115.

²⁷ Иванов В.А. Указ. соч. С. 50.

²⁸ Терпигорев С.Н. (Атава С.) Собрание сочинений. Т. 1. Ч. 1. С. 84, 88, 90.

цент занимали представители мелкопоместного и беспоместного дворянства. В до-реформенный период поместное дворянство принимало самое активное участие в процессе формирования корпуса уездного чиновничества и последнее понимало свое зависимое положение от дворянской корпорации. Крупное дворянство делегировало на чиновничьи должности «дворянчиков» на которых оно смотрело сверху вниз, хотя и принимало их в гости из принципа «вдруг и пригодится». Е.Н. Водовозова конкретизирует данный аспект: «В те отдаленные времена становые и мелкие чиновники полицейского и судебного ведомства были обычными гостями помещиков. Хотя на людей подобной категории они смотрели свысока и полицейских называли «крапивным семенем», а судейских – «крючкотворами», но это не мешало им водить с ними дружбу. Делалось это для того, чтобы люди той и другой категории старались замять, когда это понадобится, их грязные делишки, покрывали их произвол над крестьянами, очень часто переходивший дозволенное даже в те жестокие времена. Как это ни странно, но этих «крючкотворов» и это «крапивное семя» принимали у себя даже те помещики, которые не боялись судебных преследований, так как ничем противозаконным не занимались и не пятнали себя возмутительно жестокостью относительно крестьян. И вот эти немногие порядочные помещики тоже находили, что они, не смотря на свое презрение к людям подобного рода, не могут обходиться без них»²⁹.

Главной причиной милостивого отношения крупных и средних помещиков к мелкому чиновничеству являлся банальный прагматизм, в ожидании какой-либо административной услуги с его стороны. Хотя социопсихологическая дистанцированность между крупным дворянством и чиновничеством из мелкопоместной среды присутствовала и имела двойной характер. С одной стороны, пренебрежительные к чиновничеству, с другой, неприязнь к представителям «дна» дворянской корпорации.

Современники указывали, что чиновничьи должности, в основном, отставные военные без серьезных доходов с усадеб: «... капитаны и штабс-капитаны хотя и встречались, и поныне еще встречаются между «ними», но чины эти не пользовались популярностью, и сами носители их не авторитетны у нас. В большинстве это были «мелкотравчатые» (мелкопоместные – И.И.) и, по выходе в отставку, их обыкновенно выбирали в исправники, в заседатели и в какие-то «непременные члены», особое подчеркивая: «... они появлялись только в парадные дни, держали себя необыкновенно скромно, усиленно и усердно улыгнулись всякой пошлости, кто бы ее не сказал, за обедом сидели на концах стала, где вино было похуже, и вообще были ужасно жалки»³⁰. Через определенное время чиновники из «мелкотравчатых» набирали силу в уезде: «Капитаны и штабс-капитаны, попадавшие в исправники, очень скоро, конечно, при «поддержки» со стороны откупщика и обывателей, переставали быть жалкими; получали слабость к икре, осетрине, шампанскому; делались радушными и достигали, через более или менее продолжительное упражнение, довольно значительных успехов в «истинно-русском» хлебосольстве»³¹.

В пореформенный период, когда дворянство потеряло привилегию формирования уездной администрации, а чиновничий корпус принимал все более надсословный характер, чиновничество из мелких помещиков не проявляло особого сочувствия к проблемам среднего и крупного дворянства. Очевидец этих событий отмечал: «Конечно, чувство зависти у тех и других к нашему привилегированному сословию было причиной их злорадства, когда они увидели нас «в беде»; но нам, лишившись этих привилегий, узнать, что мы окружены врагами, что люди, которые всегда называли нас своими благодетелями и потом нажились от нас, теперь радуются нашему «несчастью», - узнать это, повторяю, было тяжело и обидно»³².

²⁹ Водовозова Е.Н. На заре жизни. Т. 1. С. 129-130.

³⁰ Терпигорев С.Н. (Атава С.). Указ. соч. С. 308-309.

³¹ Там же.

³² Терпигорев С.Н. (Атава С.) Указ. соч. С. 89.

Терпигорев под словами «нас», «мы», «привилегированное сословие» понимает исключительно представителей верхних страт поместного дворянства, «мелко-травчатых» он относит к «тем и другим», наряду с разночинным чиновничеством.

Необходимо отметить, что несмотря на увеличение процента чиновников из разночинцев в пореформенный период, правовые ограничения по сословному признаку давали существенные преимущества мелким дворянам при найме на службу. Дело в том, что в пореформенный период перешли ограничения по гражданской службе, характерные для дореформенного периода. Правительство специально подчеркивало, что «различие вероисповедания или племени не препятствуют определению на службу», что подтверждал и «Устав о службе гражданской». Однако на практике через издание ряда подзаконных актов такие ограничения существовали. Например, лишь в виде исключения могли быть приняты на государственную службу иностранцы. Категорически было запрещено принимать на службу детей рабочих и крестьян, личных почетных граждан и их детей, сыновей не служивших обер-офицерских детей³³. Те, кто вступали в гражданскую службу по одному только праву происхождения, принимались на работу канцелярскими служителями. Лица, не имевшие права поступления на государственную службу по своему происхождению, приобретали его благодаря получению свидетельств об окончании курса в средних и высших учебных заведениях.

Но существовало одно реальное препятствие правового характера при поступлении на службу мелкопоместным дворянам. Законом 3 мая 1871 г. производство в первый классный чин было обусловлено сдачей экзамена за курс уездного училища³⁴. Уровень знаний, дававшихся этими училищами, мог удовлетворить лишь требованиям службы на самых низких должностях. По сути, этот закон фактически полностью лишал представителей низших подгрупп мелкопоместного дворянства, где безграмотные были не редкостью.

Подводя итог можно констатировать, что часть мелкопоместного дворянства рассматривала чиновничью службу нередко в качестве основного источника существования, не надеясь на доходы с мизерных усадеб. Выборный процесс в земские структуры мелкие помещики практически игнорировали, справедливо полагая, что должности в этих учреждениях будут заняты представителями верхних страт поместного дворянства. Занимая незначительную чиновничью должность, мелкопоместный дворянин в глазах крупнопоместных дворян становился «крапивным семенем». Но с ним, особенно в пореформенный период, крупные дворяне обязаны были считаться, осознавая, что он может принять участие в рассмотрении каких-либо их дел.

LANDRY GENTRY IN THE STRUCTURES OF LOCAL GOVERNANCE AND MANAGEMENT

I.V. ISTOMINA¹

V.N. FURSOV²

A.V. PEREPELTSIN²

¹⁾ *Belgorod National Research University*

e-mail: irabelru@yandex.ru

²⁾ *Voronezh State Pedagogical University*

The paper considers the landed gentry participation in the electoral process in the zemstvo structure. Changing of attitudes in the post reform period to small estates nobles who held bureaucratic positions of the upper strata of the nobility.

Key words: small landowners, elections, local government.

³³ Архипова Т.Г., Румянцева М.Ф., Сенин А.С. История государственной службы в России XVIII-XX века. М., 1999. С. 114-115.

³⁴ Шенелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена. Л., 1991. С. 129-130.